

На правах рукописи

Михалев Максим Сергеевич

**Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе
коренных народов российско-китайского трансграничья (конец XX – на-
чало XXI вв.)**

Специальность: 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в Центре азиатских и тихоокеанских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, Жуковская Наталия Львовна

Официальные оппоненты:

1. Малявин Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ "Высшей школы экономики";
2. Октябрьская Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН;
3. Колосов Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, зам.директора Института географии РАН.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Защита состоится 16 февраля 2021 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при Ордена дружбы народов Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по адресу: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32 А, корпус «В», 18 этаж, малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (119991, Москва, Ленинский пр., 32А) и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан _____
(дата)

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Лейбова Наталья Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Развитие ситуации в трансграничных районах зачастую определяет характер и динамику взаимоотношений двух соседних стран. По этой причине всестороннее изучение протекающих здесь этнических, социальных и политических процессов является обязательным¹. Понимание, достигнутое в данном вопросе, способно предотвратить рост взаимного недоверия, снижает вероятность появления ложных представлений, позволяет избежать нежелательных тенденций во взаимоотношениях государств. В то же самое время, оно приводит к интенсификации их взаимовыгодного сотрудничества. В свою очередь, это оказывает благоприятное влияние на развитие экономики каждой из стран и росту трансграничной торговли, а также способствует взаимному культурному обогащению их граждан. Все вышесказанное актуально и в отношении трансграничных районов России и Китая².

Несмотря на это, в настоящее время трансграничные районы России и Китая редко попадают в фокус внимания этнологов и антропологов, притом, что многие из них населены представителями родственных друг другу коренных малочисленных народов двух стран. В их числе алтайцы и тувинцы, проживающие в районе западного участка современной российско-китайской границы, а также буряты, эвенки (орочоны) и нанайцы (хэчжэ), населяющие обе стороны ее более протяженного восточного отрезка. Трансграничное взаимодействие этих народов свободно от иногда непреодолимого культурного и социального отчуждения, которое характеризуют отношения собственно ханьцев и русских.

¹ Lamont M. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. N28. С. 167.

² Задачи и важность приграничного сотрудничества были сформулированы в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации и затем детализованы в том, что касается приграничного сотрудничества с отдельными регионами КНР, в Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального. В 2017 году Правительством РФ был принят Федеральный закон о приграничном сотрудничестве, а необходимость укрепления приграничных связей вновь была подчеркнута в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, принятой в 2019 году.

Это обусловлено тем, что они имеют общую историю, говорят на одном или схожих языках, разделяют базовые культурные ценности и оперируют теми же смысловыми категориями, что и родственные им народы по ту сторону государственного рубежа. Подобная особенность может принести значительную выгоду гражданам обеих стран в случае налаживания между ними плодотворных контактов. В то же самое время, не стоит забывать, что в ходе трансграничного обмена между представителями родственных народов государственные границы относительно свободно пересекают информация, навыки, мировоззрения и модели поведения. Благодаря этому в приграничных районах России и Китая происходит интенсивная культурная, общественная, мировоззренческая, а зачастую и политическая диффузия, способная оказать серьезное влияние на ход внутренних социальных и политических процессов в каждой из стран.

В ситуации, когда населяющие трансграничные районы Китая и России коренные малочисленные народы могут являться агентами как желательных, так и нежелательных перемен для своей и для соседней страны, проблема всесторонней оценки особенностей их трансграничных взаимодействий является особенно актуальной. В случае принятия на вооружение грамотного подхода в данном вопросе возможно привлечь жителей приграничья для решения как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем страны; в противном же случае, эти проблемы могут лишь обостриться. В связи с вышесказанным, всестороннее изучение, анализ и понимание природы процессов, протекающих в среде коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья, представляет значительный научный и практический интерес. С одной стороны, необходимо достичь четкого понимания того, каким именно образом и на каких принципах строится взаимодействие центральных властей в КНР с коренными народами собственного приграничья, так как динамика этих связей способна оказать непосредственное влияние на развитие ситуации в сопредельных с Китаем регионах России. С другой стороны, от того, насколько эффективно используется ресурс коренных народов российского сегмента трансграничного пространства, во многом зависит характер и динамика взаимоотношений нашей страны с Китаем. Наконец, сопоставление двух различных моделей

построения отношений между центром и приграничьем способно пролить свет на то, как должна выглядеть их оптимальная модель.

Степень разработанности темы исследования. Пальма первенства в вопросе систематизации представлений о границах принадлежит географии, которая впервые обозначила их как предмет и объект научного анализа. Основоположниками учения о границах могут считаться немецкие ученые Ф. Ратцель и К. Хаусхофер, в дальнейшем этим вопросом также занимались Дж. Минги, Дж. Прескотт и другие географы. В рамках антропологии, тема границ стала объектом осмысления лишь во второй половине XX века. В этой связи следует отметить вклад О. Латтимора, который первым пришел к значимым обобщениям по поводу природы и роли фронта в истории Китая и всей центральной части Евразии³. С теоретической точки зрения важным оказалась предисловие к сборнику статей «Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий», которое написал его редактор Ф. Барт⁴. Норвежский исследователь показал, что наличие границ определяет появление этнических групп как отдельных таксономических единиц, а потому именно они должны являться исходным пунктом любого исследования, ставящего целью их изучение.

В последующие годы целую плеяду оригинальных исследователей, таких как Р. Розальдо, О. Мартинес и др., породила граница между Мексикой и США, которая на годы вперед определила тренды, парадигмы и даже клише антропологических исследований приграничных территорий. В свое время это дало повод Р. Альваресу утверждать, что изучение границы между этими двумя странами вообще стало «иконой и моделью для изучения других границ»⁵. Пристальное же изучение антропологами границ в других частях света началось

³ Lattimore O. *Studies in frontier history: collected papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press, 1962. 576 с.

⁴ Barth, F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. С. 9–38.

⁵ Alvarez R.R.Jr. *The Mexican-US Border: The Making of an Anthropology of Borderlands* // *Annual Review of Anthropology*. 1995. N24. С. 449.

лишь на рубеже XX – XXI веков после того, когда дезинтеграция Советского Союза и успех проекта единой Европы как «территории без границ» дали толчок к появлению ряда новых явлений, требовавших пристального внимания ученых.

Следует отметить, что, несмотря на существенный объем первичной информации, полученный в ходе исследований, единой теоретической основы для понимания процессов, протекающих в приграничных районах, до сих пор не выработано⁶. С одной стороны, это вызвано тем, что «те, кто пытается изучать границы теоретически, сталкиваются с уникальными обстоятельствами их существования, которые затрудняют построение широких обобщений»⁷. С другой стороны, выработке стройной антропологической теории приграничья мешает и то, что многие современные ученые убеждены в скором и неизбежном исчезновении национального государства, а стало быть, и границ, видимым порождением и гарантом существования которого они являются. В реальности же, функции и задачи границ в современном мире становятся разнообразнее, а механизмы управления протекающими на приграничных территориях процессами существенно усложняются. Не вызывает сомнения, что пристальное внимание к вопросам теории и практики приграничных исследований и необходимость глубокого понимания всех связанных с этим проблем не утрачивает актуальности и в наши дни.

По счастью, профессиональная дискуссия по всем вышеуказанным вопросам все же не заканчивается. Несмотря на то, что в большей мере в нее оказываются вовлеченными географы (Д. Ньюмен, А. Пааси, Е. Брюнет-Джейли и др.), серьезные антропологические работы также выходят в свет. В этой связи, к примеру, стоит упомянуть ученых из Северной Ирландии Т.М. Уилсона и Г. Доннана, которым удалось собрать воедино наиболее интересные наблюдения и выводы, полученные в ходе исследований приграничных районов и гра-

⁶ Interventions on Rethinking ‘the Border’ in Border Studies // Political Geography. 2011. Vol.30. Is. 2. С. 63.

⁷ Введение в исследования границ / Ред. С.В. Севастьянов, Ю. Лайне, А.А. Киреев. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 9.

ниц в различных частях света⁸. Они же выпустили и свой собственный, обобщающий «путеводитель» по приграничным исследованиям⁹. В нашей стране так же, как и за рубежом, тон в исследованиях границ и приграничных территорий задают географы. В этой связи следует отметить работы Б.Б. Родомана, П.Я. Бакланова, Ю.П. Баденкова, А.В. Дроздова и других исследователей. Занимаются вопросами российско-китайской границы также экономисты и политологи, среди которых можно выделить Л.Б. Вардомского, А.А. Киреева и В.Л. Ларина. Значительный вклад в ее изучение также вносят историки: В.С. Мясников, Б.И. Ткаченко, В.Г. Дацышен, Ю.М. Галенович, А.Ю. Плотников, Е.Д. Степанов, О.А. Тимофеев. Появляются и междисциплинарные работы, среди которых наибольшей полнотой охвата материала отличается «Введение в исследования границ», выпущенное под редакцией С.В. Севастьянова, Ю. Лайне и А.А. Киреева. Особо стоит отметить деятельность бывшего президента Международного географического союза российского ученого В.А. Колосова, чьи работы в области исследования границ и приграничных территорий получили широкое признание и в России, и за рубежом.

В последнее время российские антропологи также уделяют большое внимание приграничным исследованиям. Так, очередной Конгресс антропологов и этнологов России, состоявшийся в 2009 году в Оренбурге, был посвящен именно этой проблематике¹⁰. Примерно то же самое время вышли две интересные коллективные монографии, посвященные исследованию западного пограничья России, а также смежных с ним районов Украины и Белоруссии¹¹. Характерно,

⁸Wilson T.M., Donnan H. *Border Identities. Nation and State at International Frontiers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 301 с.; Donnan H., Wilson T.M. *Borders: Frontiers of Identity, Nation and State*. Oxford: Berg Publishers, 1999. 200 с.

⁹ Wilson T.M., Donnan H. *A Companion to Border Studies*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 636 с.

¹⁰ VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / Редкол.: В.А. Тишков [и др.]. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. 600 с.

¹¹Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: Монография / Ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М.: Изд-во РУДН, 2005. 378 с.; Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2012. 440 с.

что на их страницах были представлены работы ученых из Беларуси, представители которой, такие, как, к примеру, Н.Н. Беспмятных¹² и Л.Г. Титаренко, в последнее время вообще проявляют к антропологии приграничья повышенный интерес. В том, что касается исследования восточных границ России, требуют упоминания исследования Т.И. Герасименко, посвященные процессам, протекающим в оренбургском трансграничье России и Казахстана¹³. Вместе с тем следует признать, что теоретическая и методологическая база российских антропологов устарела и в настоящее время нуждается в свежих, новаторских подходах¹⁴.

В Китае изучению границ и приграничных территорий традиционно уделяется большое внимание. В Пекине, при Китайской академии общественных наук, даже функционирует специальный институт по изучению приграничных территорий, который периодически выпускает специальные «Синие книги», посвященные анализу процессов, протекающих на приграничных территориях страны¹⁵. Проблема заключается в том, что, с точки зрения китайской науки, «приграничными территориями» в КНР являются практически все периферийные районы страны, населенные представителями коренных малочисленных народов. В связи с этим говорить об особом вкладе китайских антропологов в дело изучения границ и приграничья в узком смысле этого слова затруднительно. Несмотря на это, необходимо отметить таких современных авторов, как У Чукэ и Ма Дачжэн, давно работающих над созданием теоретических основ соб-

¹²Беспмятных Н.Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск: РИВШ, 2012. 206 с.

¹³ Герасименко Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб: РТП-ЛГУ, 2005. 235 с.

¹⁴ Мартынова М.Ю. К вопросу об изучении пограничных территорий // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья / Ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2012. С.13.

¹⁵ Чжунго бяньцзян фачжань ланьпишу (2019) [Синяя книга развития приграничных районов Китая (2019)] / Ред. Син Гуанчэн. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2020. 379 с.

ственно китайской науки о приграничье¹⁶. Достойны упоминания также усилия Центрального университета национальностей КНР, который раз в два года организует в Пекине крупные научные конгрессы, посвященные антропологическим аспектам приграничных исследований¹⁷.

К сожалению, китайские антропологи до сих пор предпочитают рассматривать коренные малочисленные народы своей страны, проживающие в российско-китайском трансграничном пространстве, в отрыве от самого фактора государственной границы. Соответственно, их ресурс международного сотрудничества, а также трансграничные родственные и социальные связи и взаимовлияния попросту не принимаются ими в расчет. В результате, к примеру, существует большое количество литературы по орочоном¹⁸, бурятам¹⁹ или тувинцам²⁰, проживающим в непосредственной близости от границы с Россией, однако работы, на страницах которых раскрывался бы их трансграничный потенциал или их взаимодействие с соплеменниками, проживающими за рубежом, практиче-

¹⁶ У Чукэ. Чжунго дандай бяньцзян лилунь чуансинь юй фачжань яньцзю [Исследования по развитию и совершенствованию современной теории приграничных исследований в Китае]. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2012. 358 с.

¹⁷ Сун Минь. Бяньцзян фачжань Чжунго луньтань вэньцзи (2010) [Альманах форума по развитию приграничных территорий Китая (2010)]. Пекин: Изд-во университета национальностей, 2012. 347 с.; Цин Цзюэ. Бяньцзян фачжань Чжунго луньтань вэньцзи. Синь сылу – Синь сылу (2014) [Альманах Форума по развитию приграничных территорий Китая. Новое мышление – Новый Шелковый путь (2014)]. Пекин: Изд-во университета национальностей, 2016. 368 с.

¹⁸ Элуньчуньцзу: Хэйлунцзян Хэйхэ ши Синьшэн цунь дяоча [Орочономы: Полевое исследование в деревне Синьшэн округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян] / Редколл. Го Цзяньбинь [и др.]. Куньмин: Изд-во юньнаньского университета, 2004. 366 с.; Чжан Лицзюнь. Улубутэ: Наэркэци леминьцунь дяоча [Улубутэ: Полевое исследование в охотничьей деревне Наэркэци]. Пекин: Изд-во Экономика, 2009. 362 с.

¹⁹ Бао Луфан. Булиятэ Мэнгуцзу цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования] // Цинхай миньцзу яньцзю. 2003. № 2, Т.14. С. 84–90; Сюй Чжаньцзян. Чжунго Булиятэ Мэнгуцзюнь [Бурят-монголы Китая]. Хулунбуир: Нэймэнгу чубаньшэ, 2009. 362 с.

²⁰ Нанькуай Модэгэ. Синьцзян туважэнь шэхуэй вэньхуа тянье дяоча юй яньцзю [Исследования по социальной культуре тувинцев Синьцзяна]. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2009. 294 с.; Чжао Нань. Бянь дэ туннянь – миньцзу цзюю бэйцзин ся дэ эртун чэнчжан циши [Разное детство: уроки взросления на фоне этнического туризма]. Master Thesis in Social Anthropology. Пекин: Университет национальностей, 2013. 91 с.

ски отсутствуют. К сожалению, то же самое можно сказать и в отношении исследований коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья, проводимых в нашей стране.

Исключение здесь составляют лишь те ученые, что представляют сами народы, которые оказались разделенными государственной границей. В этой связи стоит особо отметить бурятских исследователей, для которых их соплеменники, проживающие в местности Шэнэхэн на северо-востоке КНР, превратились в источник научного вдохновения и даже, в какой-то мере, в символ их собственного национального возрождения. В результате, в последнее время вышло немало работ, посвященных судьбам шэнэхэнских бурят в контексте взаимоотношений России и Китая, а также осмыслению той роли, что сыграла в их судьбе государственная граница²¹. Схожий интерес к своим соплеменникам, проживающим в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, проявляют и исследователи из России тувинской национальности, такие как М.В. Монгуш, Ж.М. Юша, Е.В. Айыжи и другие²². К сожалению, чуть меньше повезло российским эвенкам, а потому о том, как живут родственные им народы северо-востока КНР, в настоящее время имеются лишь редкие отрывочные сведения²³.

Подводя итог, следует признать, что представление о современной ситуации и о потенциале коренного населения российско-китайского трансграничья в настоящее время одномерно и в целом недостаточно. Результаты отдельных со-

²¹ Балдано М.Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С.52–59; Болдохонов С.Н. Особенности этнической идентичности реэмигрантов (на примере шэнэхэнских бурят) // Вестник Бурятского университета. Серия: Философия. Социология. Политология. Культурология. 2011. Вып.6. С. 107–110; Baldano M. People of the Border: The Destiny of the Shenehen Buryats // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / Ed. by Bille F., Delaplace G., Humphrey C. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. С. 183–198.

²² Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 358 с.; Юша Ж.М. Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам комплексной экспедиции 2011 г.) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 24–29.

²³ Афанасьева Е.Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 11–21; Гомбоева С.В. Особенности материальной культуры ороочонов Китая (на материале экспедиций) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 127–130.

циологических и культурологических исследований, проводимых в том или ином его сегменте, не восполняют общий дефицит понимания региона как единой историко-культурной общности. Симптоматично при этом, что наиболее интересные публикации по данной теме выходят в наши дни за пределами России и КНР. Стоит особо отметить в этой связи деятельность Исследовательского отдела по изучению Монголии и Внутренней Азии при университете Кембриджа, который возглавляет К. Хамфри. Его сотрудники уже в течение многих лет с успехом занимаются антропологическим изучением народов российско-китайского трансграничья. В тесном контакте с ними и в том же исследовательском поле работают ученые из Национального музея этнологии в Осаке, работающие под руководством Ю. Конагайя. Там же, в Японии, работает и проф. А. Ивасита, чьи работы по современной ситуации на российско-китайской границе были переведены на русский язык²⁴.

Столь пристальное внимание европейских и японских ученых к социально-политическим и культурным проблемам трансграничья России и Китая на фоне очевидной недостаточности подобных исследований в нашей стране не только лишний раз подчеркивает злободневность темы, но и вызывает озабоченность. Не меньшую тревогу в контексте изучения российско-китайского трансграничья порождает и тот факт, что большая часть посвященных данной теме работ выходит из-под пера политологов, историков, военных или экономистов. В то же самое время голос антропологов, а стало быть, и голос самих жителей приграничных территорий, почти не слышен. Это ведет к тому, что в публикациях по данной теме находит свое отражение лишь точка зрения центральных властей, основной задачей для которой видится выработка действенных стратегий по «умиротворению» приграничных территорий. В российских и китайских условиях, с учетом сильной патерналистской традиции, получившей широкое распространение в обеих странах, это приводит к тому, что российско-китайское приграничье до сих пор остается объектом внутренней и внешней

²⁴ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 333 с.

политики, не имея при этом возможности стать, в конце концов, ее полноправным субъектом.

Объект исследования. Объектом исследования являются коренные малочисленные народы, населяющие приграничные территории России и Китая, в своем единстве составляющие российско-китайское трансграничье.

Предмет исследования. Предметом исследования является культурный, духовный, социально-экономический и политический ресурс коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья.

Цель исследования. Целью исследования является выявление и оценка ресурса коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья, анализ и сравнение современных подходов к мобилизации этого ресурса, принятых в России и в КНР, а также выработка, на этой основе, предложений и практических рекомендаций по принципам и методам его будущего использования, сохранения и развития.

Задачи исследования. В соответствии с поставленными целями определены следующие основные задачи исследования:

- выделить российско-китайское трансграничье как объект антропологического исследования и охарактеризовать его основные особенности,
- показать наличие предпосылок для формирования особого культурного, духовного, социально-экономического и политического ресурса у коренных малочисленных народов, населяющих приграничные территории России и Китая,
- обосновать необходимость выработки специальных методик и стратегий, а также принятия программ, призванных способствовать сохранению, развитию и использованию ресурса приграничных территорий России и Китая,
- проанализировать современную ситуацию с использованием культурного ресурса коренных жителей приграничных территорий России и Китая,
- проанализировать современную ситуацию с использованием духовного ресурса коренных жителей приграничных территорий России и Китая,
- проанализировать современную ситуацию с использованием социально-экономического ресурса коренных жителей приграничных территорий России и Китая,

– проанализировать современную ситуацию с использованием политического ресурса коренных жителей приграничных территорий России и Китая,

– обобщить применяемые в настоящее время подходы к использованию ресурса коренных жителей приграничных территорий в России и в Китае, обозначить преимущества и недостатки разных подходов, выявить из них наиболее эффективные,

– выработать и обосновать предложения и рекомендации по мобилизации ресурса коренных народов российско-китайского приграничья, которые будут способствовать наиболее полному его раскрытию как в интересах самих этих народов, так и в интересах экономического и социального развития страны, а также повышения ее обороноспособности в целом.

Научная новизна исследования. Научная новизна результатов исследования заключается в следующем:

1) Аналитически выделяется, описывается и наделяется отличительными признаками российско-китайское трансграничье как совокупность приграничных территорий России и Китая,

2) Проводится комплексное полевое исследование большинства районов проживания коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья по обе стороны границы,

3) Выявляется, описывается и структурируется особый ресурс коренных народов российско-китайского трансграничья, обозначается важность его сохранения, развития и использования,

4) Выявляются закономерности выбора тех или иных подходов к мобилизации ресурса коренных народов российско-китайского трансграничья, избираемых государством в России и в Китае в зависимости от изменений внутриполитической и внешнеполитической ситуации,

5) Выдвигается гипотеза о взаимном отрицании и взаимной зависимости центра и приграничья, проливающая свет на причину их парадоксальных взаимоотношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Практическая ценность исследования состоит в достижении понимания характера и ди-

намики современного протекания этнополитических, этнокультурных и этносоциальных процессов в среде коренных малочисленных народов российско-китайского трансграничья. Информация и выводы, представленные в исследовании, способны стать основой для выстраивания более эффективных отношений между центром и жителями приграничных районов, а также для недопущения появления и развития здесь неблагоприятных и опасных тенденций. Результаты анализа могут быть использованы как для разработки политики в отношении собственных приграничных районов, так и для налаживания взаимовыгодного трансграничного сотрудничества между народами двух стран.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в достижении понимания характера отношений между центром и периферией, что в дальнейшем может быть использовано для корректировки центристской парадигмы, принятой в настоящее время в приграничных исследованиях. В то же самое время, прогресс, достигнутый в исследовании природы и специфических особенностей трансграничных территорий, а также в понимании их роли и значимости для внешней и внутренней политики государства, может стать важной отправной точкой для проведения дальнейших, более глубоких исследований в этом направлении. В конечном итоге, это способно привести к появлению в будущем общей теории трансграничных территорий.

Методология и методы исследования. Исследование выполнено в рамках общей парадигмы приграничных исследований, заданной в работах Ф. Барта и предполагающей особое внимание к границам как феномену, обуславливающих само появление и существование этнических групп. В частности, принимаются вытекающие из данного тезиса предположения о том, что «начертания и функции границ, в конечном счете, определяются лояльностью граждан своему государству по обе стороны границы»²⁵, о том, что приграничные и трансграничные территории должны рассматриваться как локомотивы роста, а не как

²⁵ Введение в исследования границ. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 45.

препятствие на его пути, и о том, и что обеспечение безопасности границ требует деятельного участия самого приграничного населения²⁶.

Вместе с этим, понимание российско-китайского трансграничья как буферной территории, обладающей рядом уникальных характеристик, базируется на теоретических выкладках российского ученого В.Л. Цымбурского²⁷, который первым ввел в современный научный оборот понятие лимитрофных зон, описав их природу и обозначив их характерные признаки. Предположение о наличии у жителей российско-китайского трансграничья особого культурного и духовного потенциала делается на основе доказательств, представленных в работах В. Тэрнера²⁸. В то же самое время, наделение их уникальным социально-экономическим и политическим ресурсом базируется на выводах Дж. Скотта²⁹, доказавшего его существование у жителей гипотетической Зомии, по многим характерным признакам схожей с российско-китайским трансграничем.

Методологической основой данного исследования является сочетание универсальных общенаучных методов и специфических методов, принятых на вооружение в социальной антропологии. Так, в процессе сопоставления подходов, применяемых в схожих исторических и географических условиях центральными правительствами разных стран, используется сравнительно-исторический метод, что позволяет выявить сильные и слабые стороны практических стратегий, а также выявить предпосылки возникновения тех или иных различий между ними. При этом в тесной связи со сравнительно-историческим методом применяется логический метод, позволяющий абстрагироваться от отдельных исторических фактов, вызванными теми иными случайными событиями. В целях достижения более точного понимания природы российско-китайского трансграничья также используются метод аналогии и метод идеализации. В то

²⁶ Там же. С. 53.

²⁷ Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: URSS, 2000. 144 с.

²⁸ Тэрнер В. Символ и ритуал. Москва: Наука, 1983. 277 с.

²⁹ Scott J. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, CT: Yale University Press, 2009. 464 с.

же самое время, автор придерживается принципа научной объективности, что позволяет рассматривать те или иные воображаемые сущности с точки зрения объективно существующих закономерностей. Подобное сочетание аналогии, идеализации и объективности позволяет соблюсти баланс абстрактного и конкретного и при этом добиться более глубоко проникновения в суть проблемы.

Метод включенного наблюдения, принятый в социальной антропологии, позволяет рассмотреть этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы жителей трансграничных районов России и Китая не только с точки зрения государства, но и с точки зрения самих коренных жителей этих регионов. Основными технологиями полевой работы в этом случае выступают опросы, анкеты и интервью, широко применяется аудио- и видеофиксация предметов и явлений. При этом специфика работы в приграничных районах требует модификации данного метода. С одной стороны, ситуация в местах соприкосновения нескольких культур и общественных систем отличается крайней подвижностью, что делает проведение длительных стационарных полевых исследований в конкретном населенном пункте не всегда оправданным. С другой стороны, специфика работы в трансграничье предполагает сохранение анонимности и для информанта, и для самого исследователя, в связи с чем его длительное пребывание в том или ином населенном пункте не всегда является возможным. В связи с вышесказанным, в данном исследовании применяется «метод случайного наблюдения». Схожие методы используются в точных науках, где служат для решения сложных задач в том случае, если знания о проблеме плохо формализуемы или не формализуемы в принципе³⁰. Исследование в таком случае происходит везде и постоянно, а не в пределах конкретно заданного района в конкретно заданные сроки. При этом оно также подразумевает способность человека находить ответы на вопросы спонтанно, вне процесса направленного, детерминированного поиска. Основным методом сбора информации в этом случае является неструктурированная беседа.

³⁰ Минаков И.А. Сравнительный анализ некоторых методов случайного поиска и оптимизации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 1999. № 2. 286 с.

Эмпирическая база исследования. С целью обеспечения репрезентативности исследования при условии сохранения достаточной глубины проработки эмпирического материала, автором были выбраны в качестве базы для полевых исследований следующие коренные народы в каждом из основных районов российско-китайского трансграничья. На Дальнем Востоке – ороконы Китая (исследования проводились в 2018 г. в п. Алихэ, п. Даяншу и с. Добукуэр Ороchonского автономного хошуна городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия, а также в с. Синьшэн Синьшэн-Ороchonской национальной волости и г. Хэйхэ городского округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян, КНР) и родственные им эвенки России (исследования проводились в 2018 г. в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области, а также в пгт. Чегдомын и пст. Герби Верхнебуреинского района Хабаровского края, РФ). В Восточной Сибири – шэнэхэнские буряты КНР (исследования проводились в 2009, 2010 и 2017 гг. в г. Наньтун и с. Барун-сомон Эвенкийского автономного хошуна, а также в г. Маньчжурия городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия, КНР) и родственные им агинские буряты России (исследование проводилось в 2017 г. в пгт. Агинское, с. Дульдурга и пгт. Моготуй Агинского Бурятского округа Забайкальского края, РФ). В Западной Сибири – алтайцы России (исследования проводились в 2012 и 2014 гг. в с. Кош-Агач, с. Джазатор, с. Кокоря и с. Ортолык Кош-Агачского района, с. Улаган Улаганского района, с. Онгудай, с. Бичикту-Боом и с. Ело Онгудайского района, с. Усть-Кан, с. Мендур-Соккон и с. Кырлык Усть-Канского района Республики Алтай) и родственные им тувинцы Китая (исследования проводились в 2012 и

2018 гг, в г. Бурчун, с. Хом и с. Ханас уезда Бурчун округа Алтай Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района, КНР)³¹.

Автором также проводились полевые исследования в приграничных районах России и Китая, находящихся в некотором отделении от их общей границы. Такими территориями являются Ташкурган-Таджикский автономный уезд округа Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, расположенный возле границы КНР с Таджикистаном и Афганистаном (исследования проводились в 2012, 2013 и 2018 гг. в п. Ташкурган, кишлаках Тицнап, Работ и Абати, а также в г. Кашгар), а также республика Бурятия РФ, имеющая общую границу с Монголией (исследования проводились в 2010 г. в с. Курумкан и улусе Барагхан Курумканского района, а также в с. Баргузин и улусах Улюн и Хилгана Баргузинского района республики) [Рисунок 1]. В ходе полевых исследований, проводившихся в период с 2009 по 2019 гг. в более чем 40 населенных пунктах, расположенных на территории 8 субъектов Российской Федерации, провинций и автономных округов КНР, было проведено более 240 бесед, интервью и опросов.

³¹ По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживает 37 843 эвенков, 461 389 бурят и 68 814 алтайцев. Итоги Всероссийской переписи населения доступны на сайте Федеральной службы государственной статистики по адресу URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html. Численность бурят в Китае обычно оценивается в 7 000 чел. (Бао Луфан. Булиятэ Мэнгуцзу цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования] // Цинхай миньцзу яньцзю. 2003. № 2, Т.14. с. 84). Стоит отметить, что это приблизительные цифры, так как буряты в КНР не признаются отдельной национальностью и рассматриваются как субэтническая группа в составе монголов. По этой же причине тувинцы в КНР также не учитываются официальной статистикой. Как правило, оценка их численности варьируется в диапазоне от 2 000 до 4 000 человек (Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. с. 216). Численность ороочонов в Китае составляет 8 196 чел. (Чжунго миньцзучжи [Народы Китая] / Ред. Ян Шэнминь. Пекин: Изд-во университета национальностей, 2008. с. 94-95).

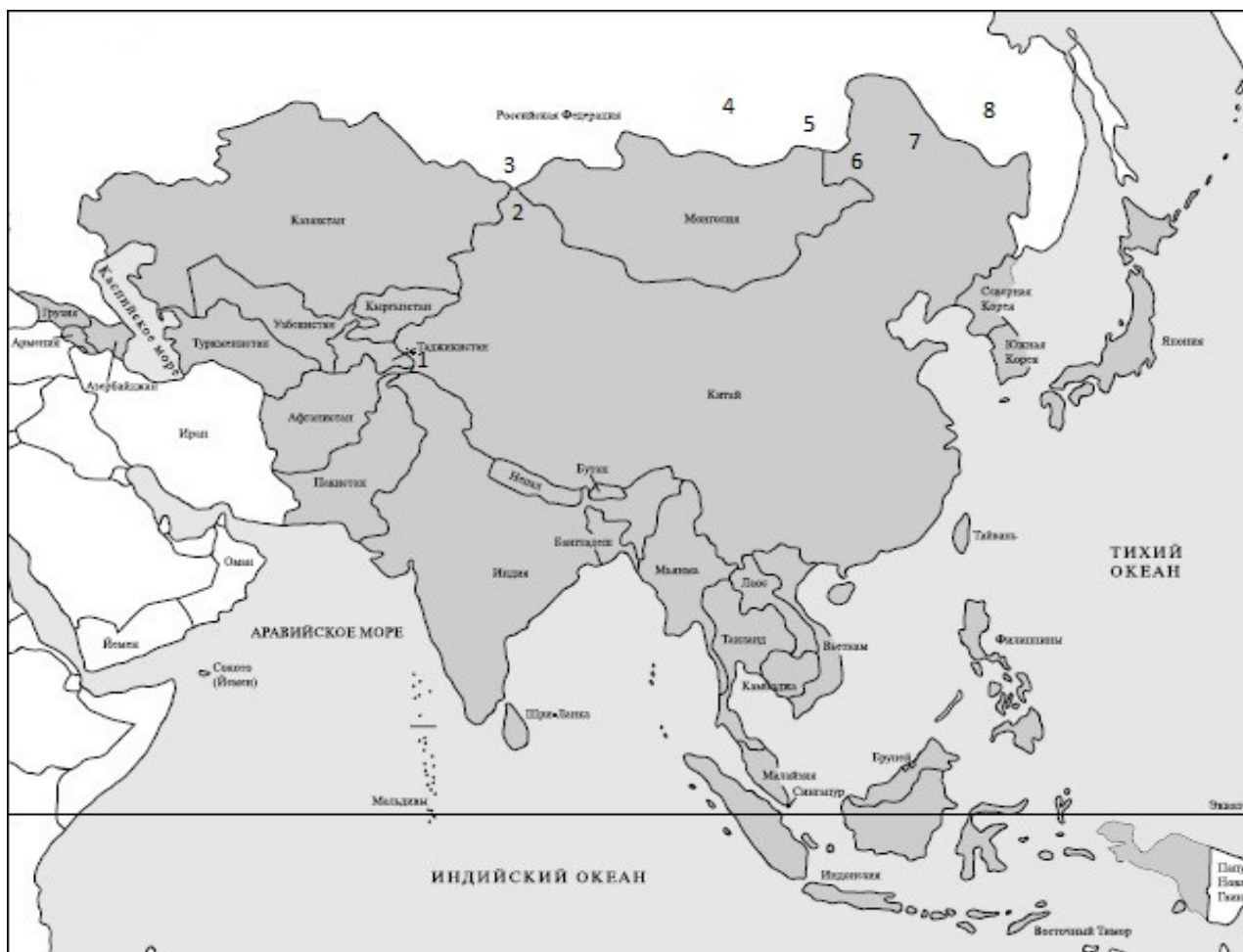

Рисунок 1 – Полевые исследования автора. 1- Ташкурган-Таджикский автономный уезд, Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР; 2 – Округ Алтай, Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР; 3 – Республика Алтай, РФ; 4 – Республика Бурятия, РФ; 5 – Агинский Бурятский округ Забайкальского края, РФ; 6 – Эвенкийский автономный хошун, автономный район Внутренняя Монголия, КНР; 7 – Ороchonский автономный хошун, автономный район Внутренняя Монголия, КНР; 8 – Селемджинский район Амурской области и Верхнебуреинский район Хабаровского края, РФ.

Основные положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие результаты научного исследования:

- 1) Приграничные районы России и Китая, составляющие российско-китайское трансграничье, представляют собой последовательность исторически сложившихся и политически обусловленных буферных зон на границе двух этих государств,
- 2) Российско-китайское трансграничье по своему характеру является лимитрофной территорией, предназначение которой состоит в отделении двух

крупных историко-культурных и политических общностей друг от друга при одновременном обеспечении контактов между ними,

4) В зависимости от динамики внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации, государства, формирующие российско-китайское трансграничье, либо пытаются нейтрализовать ресурс собственного пограничья через присвоение, игнорирование, патернализм или изоляцию, либо стараются привлечь его на свою сторону с помощью вовлечения, инкорпорации, поощрения инициативы и мобилизации. Нейтрализация, как правило, приводит к ослаблению государства, а привлечение ресурса на свою сторону его укрепляет,

5) Оптимальной стратегией в отношении коренных народов российско-китайского трансграничья является политика невмешательства государства в социальные и культурные процессы, протекающие в их среде. Одновременно с этим должны предприниматься меры, направленные на вовлечение формирующегося у них ресурса в единое культурное, экономическое и социальное пространство страны с целью сохранения возможности их гарантированной мобилизации в том случае, когда государство испытывает в этом потребность.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертации опубликованы в 37 российских и зарубежных публикациях (Китай, Германия, Италия, Болгария, Таджикистан), включая одну монографию (в соавторстве) и 16 статей в журналах из перечня ВАК. Основные положения диссертационной работы освещены в докладах, сделанных на российских и международных конгрессах, симпозиумах и научных конференциях: 2013 – The 4th Northeast Asia National Cultural International Forum (Пекин, КНР); 2014 – Алтайский форум: Соразвитие общества, человека и природы в контексте диалога цивилизаций (Алтай, Россия), Forum of Frontier Development China (Пекин, КНР), Rhodes Forum: Preventing World War through Global Solidarity: 100 years on (Родос, Греция), Value Conflict and Consensus in the Cultural Diversity (Шэньян, КНР); 2015 – The 6th Northeast Asia Ethnic Culture International Forum (Пекин, КНР); 2016 – Философские перекрестки взаимодействия цивилизаций: культура и ценности (Москва, Россия), International Confucian Forum – Exchanges and Mutual Learning among Asian Civilizations: Beijing International Symposium (Пе-

кин, КНР), Conference on Circulation, Network and Interregional Social Systems Study (Пекин, КНР), The 7th Northeast Asia Ethnic Culture Forum (Пекин, КНР); 2017 – XII конгресс этнологов и антропологов России (Ижевск, Россия); International Conference of Economics and Trade Cooperation and Ethnic Groups Affairs Governance among Belt and Road Countries (Пекин, КНР); 2018 – Современные аспекты межкультурного диалога: Инициатива «Пояс и Путь» и Большое Евразийское партнерство (Санкт-Петербург, Россия), Rhodes Forum: Making Multilateralism Work: Enhancing Dialogue on Peace, Security and Development (Родос, Греция), Forum of Frontier Development China (Пекин, КНР); 2019 – 70 лет современному китайскому государству (Москва, Россия), Экспедиции и инновации (Москва, Россия), XIII конгресс этнологов и антропологов России (Казань, Россия). Содержание основных публикаций полностью отражает содержание диссертационной работы и автореферата диссертации.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, подразделяющихся на параграфы, заключения, списка литературы и фотоиллюстраций. Объем диссертации составляет 338 страниц. Список литературы содержит 364 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, обозначаются предмет и объект исследования, формулируются его цель и задачи. Введение также содержит очерк по истории исследования границ и приграничных территорий в России, Китае и других зарубежных странах. Дается краткий анализ степени изученности российско-китайского трансграничного пространства на современном этапе. Кроме того, во введении представляется теоретическая и методологическая основа исследования, его эмпирическая база, показываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения относительно апробации работы. В заключительной части введения описываются структура и содержание диссертационной работы.

В первой главе «Российско-китайское трансграничье: теоретические и общественно-политические аспекты современного изучения» российско-китайское трансграничье определяется как специфический объект исследования, наделенный собственными характерными признаками. Подвергаются анализу его форма и содержание, выдвигаются предположения в отношении его природы и предназначения. Постулируется наличие у коренного населения российско-китайского трансграничья особого культурного, духовного, социально-экономического и политического ресурса. Подвергаются анализу существующие практики его мобилизации обществом и государством. Делается вывод о необходимости смены парадигмы в приграничных исследованиях, способной дополнить взгляда из центра взглядом с периферии. Выдвигается предположение, что разнонаправленная динамика во взаимоотношениях государства с собственным приграничьем, отмечаемая в настоящее время в России и в Китае, предоставляет уникальную возможность для проведения сравнительного исследования, способного пролить свет на конфигурацию оптимальной модели во взаимоотношениях центра и периферии.

В первом параграфе «Форма» рассматриваются характерные особенности трансграничных районов России и Китая, в своей совокупности составляющих российско-китайское трансграничье. Делается вывод о том, что последнее представляет собой последовательность буферных зон, сформировавшихся вдоль линии разграничения двух крупнейших государств Евразии в процессе их пограничного размежевания. Приводится краткое описание и причины формирования указанных буферных зон, подчеркивается нестабильность их конфигурации. Утверждается, что большая их часть была создана по инициативе Китая в рамках присущей ему политики связывания сил соседних государств, в то время как появление других явилось следствием постепенного смещения фронтальной зоны российского государства на восток. При этом незначительное число буферных зон образовалось также вопреки усилиям правительств двух стран, явившись результатом деятельного участия коренных жителей российско-китайского трансграничья в процессах пограничного размежевания.

Показывается, что в современных условиях, когда правительства обеих стран облают полным суверенитетом над всей своей территорией, последовательность буферных зон на границе России и Китая приобретает скрытый, латентный характер. В свою очередь, это позволяет трансграничному пространству двух стран сохранять в относительной неприкосновенности свое внутреннее единство по обе стороны государственного рубежа, в то же самое время обособляя районы, составляющие российско-китайское трансграничье, от остальных районов России и Китая. Благодаря этому становится возможным их современное научное изучение как отдельных геополитических сущностей, вступающих как в отношения друг с другом, так и в отношения с центральными властями соответствующих стран.

Во втором параграфе «Содержание» Российско-китайское трансграничье как отдельный объект, обладающий собственной уникальной формой, рассматривается с точки зрения его содержимого, в качестве которого выступают люди, населяющие приграничные районы двух стран и формирующие его особый характер. Подчеркивается, что ключевой особенностью российско-китайского трансграничья, выделяющей его на фоне других подобных трансграничных территорий, является наличие почти на всем его протяжении коренных малочисленных народов, чья история, культура, религия, язык, менталитет и система ценностей выделяют их на фоне жителей центральных районов как Китая, так и России. В свою очередь, данное отличие выступает основой их двойственного статуса, когда они, с политической точки зрения, остаются подданными двух различных государств, а с культурно-исторической точки зрения формируют устойчивое трансграничное единство.

Подчеркивается, что подобное положение коренных народов российско-китайского трансграничья может оказаться потенциально выгодным. Благодаря своему уникальному географическому положению они способны играть роль посредников в налаживании межгосударственного диалога и, в результате, приобретают в глазах центра особенную ценность, выражающуюся, в частности, в предоставлении им различных льгот и привилегий. В то же самое время государство при помощи коренных народов собственного приграничья способно

наладить эффективную коммуникацию с соседними странами, мобилизуя для этого их родственные связи за рубежом, а также те специфические навыки и знания, что связаны с их долговременным нахождением в трансграничном пространстве. Делается вывод о том, что в случае с российско-китайским трансграничьем коренные малочисленные народы составляющих его частей выступают в роли своеобразной «цитоплазмы». С одной стороны, они обеспечивают эффективное взаимодействие между жителями центральных районов России и Китая; с другой стороны, своим посредничеством они минимизируют прямые контакты между ними и, тем самым, снижают возможность возникновения конфликтных ситуаций в отношениях двух стран.

В третьем параграфе «Сущность и функция» выдвигается тезис о лимитрофном характере российско-китайского трансграничья как территории, одновременно разделяющей и связывающей между собой Россию и Китай, и, таким образом, являющейся своеобразным амортизатором, обеспечивающим стабильность и безопасность в центральной части Евразии. В связи с этим предлагается обратить особое внимание на функционирование российско-китайское трансграничья как гаранта поддержания геополитической устойчивости на континенте. В то же самое время его существование рассматривается как необходимое условие для налаживания диалога между народами двух стран.

В четвертом параграфе «Ресурс» постулат о геополитической важности российско-китайского трансграничья дополняется предположением о наличии у него особого человеческого потенциала, который, в свою очередь, и придает ему значимость как объекту *per se*. Прежде всего, обращается внимание на культурный ресурс трансграничья, существование которого обуславливается постоянным и непосредственным контактом его жителей с носителями знания и ценностей иного типа, а также тем влиянием, которое оказывают на них две или более отличающиеся друг от друга политические, социальные и экономические системы. Немаловажной в этой связи выглядит также необходимость с их стороны самостоятельно находить оптимальные ответы на сложные вызовы приграничной жизни в условиях географической удаленности от основных культурных и политических центров страны. Поясняется, что культурный ресурс,

формируемый в этих условиях у жителей окраинных районах, дополняется и усиливается ресурсом духовным. Последний при этом выражается в способности жителей приграничных и трансграничных районов комбинировать в своей практике непохожие доктрины и мировоззрения, создавая на их основе новые, оригинальные движения и учения и выдвигая из своей среды влиятельных духовных лидеров.

В то же время указывается, что жителям приграничных районов присущ также особый социально-экономический ресурс. Объясняется, что его фундаментом выступает наличие родственных связей и культурно-ментальная общность с населением приграничных территорий соседней страны, что предоставляет возможность для организации трансграничного экономического взаимодействия. Обращается также внимание и на наличие у жителей приграничья особого оборонного, или политического ресурса. С одной стороны, его существование обуславливается их знанием особенностей ландшафта и климата, а также наличием особых навыков, необходимых для жизни в условиях приграничья. С другой стороны, его базой является местный патриотизм, проявляемый в искренней заботе о безопасности своей малой родины и усиливаемый непростыми историческими отношениями с представителями зарубежного государства и жителями центральных районов соседней страны.

В заключительной части параграфа утверждается, что при условии грамотной мобилизации потенциала приграничных и трансграничных народов, он может принести значительную пользу государству и обществу. Отдельно подчеркивается, что существование подобного ресурса возможно лишь до того момента, пока трансграничье сохраняет и свое внутреннее единство, и свою непохожесть на центральные районы двух стран.

В пятом параграфе «Дискурс» обращается внимание на то, что осознание того факта, что присущий приграничью ресурс сохраняется лишь при условии поддержания постоянных трансграничных контактов и сохранения непохожести населения приграничья, государство, причем не только в России или в Китае, но и в других странах, гораздо чаще реализует стратегию, направленную на полную интеграцию и унификацию приграничья внутри страны и на ограни-

чение его внешних связей. Делается вывод, что подобная политика является результатом превалирующего в политических кругах убеждения в том, что границы являются порождением государства и определяют его состоятельность. Из этих положений, в свою очередь, проистекает иррациональное чувство тревожности по поводу их незыблемости и неприкосновенности. Необходимость же постоянно охранять свою территорию от любого внешнего влияния и ограничения, накладываемые границами на распространение собственного влияния вовне, приводят к тому, что в отношениях государства с жителями собственного приграничья присутствует подозрительность. Поясняется, что она лишь усиливается в том случае, когда последние резко отличаются по своей культуре, конфессиональной принадлежности, особенностям исторического развития или по языку от населения центральных районов страны.

В шестом параграфе «Парадигма» обосновывается необходимость отхода от рассмотренной выше практики унификации приграничья и его изоляции от внешних контактов, что должно обеспечить в будущем сохранение и развитие ресурса приграничных районов. Предполагается, что это может произойти в результате смены исследовательской парадигмы, когда на смену сугубо центристскому, политически обусловленному подходу придет комплексный взгляд на проблему, который будет подразумевать, в том числе, и учет мнения и точек зрения на вопрос самих жителей приграничья. Обращается внимание на то, что подобная смена парадигмы становится возможной лишь в том случае, когда в приграничных исследованиях существенно возрастает роль социальной антропологии, дух и буква которой предполагает изучение и раскрытие точки зрения на вопрос самих жителей приграничных районов.

В седьмом параграфе «Динамика» делается предположение о том, что наблюдаемая в настоящее время разнонаправленная динамика хода этнических процессов в российском и китайском сегментах российско-китайского трансграничья делают возможным построение теоретических обобщений в том, что касается разработки оптимальной модели взаимоотношений государства с собственным приграничьем. В то время как современное российское государство, в силу совокупности экономических и внутривнутриполитических причин, было вы-

нуждено проводить в отношении собственного приграничья относительно либеральную политику, в КНР все последние годы давление центра на окраинные народы страны постоянно усиливалось. В этих условиях, анализ последствий применения противоречащих друг другу тенденций на процессы сохранения, развития и использования ресурса коренных народов общего трансграничья может быть особенно актуален и полезен. Актуален с точки зрения тонкой настройки современной системы управления процессами на российско-китайской границе; полезен с точки зрения достижения более глубокого понимания того, как должны строиться отношения между центром и периферией в принципе.

В главах с первой по четвертую диссертационной работы подвергаются анализу, сравниваются и противопоставляются друг другу получившие в последнее время распространение в России и в Китае подходы к использованию ресурса приграничных народов. В частности, **во второй главе «Культурный ресурс: присвоение и вовлечение»** анализируются подходы к использованию культурного потенциала жителей приграничья. Отмечается, что в официальных документах, принятых в обеих странах, сохранению и развитию культурной непохожести населяющих их малочисленных народов уделяется довольно много внимания. При этом истинные цели и задачи, скрывающиеся за этими лозунгами, могут существенно различаться в зависимости от того, в каком именно положении по отношению к собственной периферии находятся на данный момент центральные власти. В свою очередь, это несовпадение предполагает использование различных стратегий мобилизации культурного потенциала приграничья, что может приводить к прямо противоположным результатам.

В первом параграфе, озаглавленном **«Зоопарки и заповедники. Тувинцы Китая и алтайцы России в условиях туристического бума»**, анализируется ситуация, сложившаяся на западном фланге российско-китайского трансграничья, в районе Алтайских гор. В китайском сегменте этого участка общего трансграничья двух стран проживают этнические тувинцы, в то время как на российской стороне коренными жителями региона являются родственные им алтайцы. Характерно, что места компактного проживания и тех, и других, в последнее время превратились в популярные туристические направления, при

этом одним из ключевых факторов привлекательности региона оказалась самобытная традиционная культура населяющих его коренных малочисленных народов.

В начале параграфа излагается краткая история туристического бума, наблюдаемого в наши дни в Китае, где на базе природного заповедника Канас с начала нулевых годов XXI столетия развивается крупный туристический кластер. К настоящему времени он стал визитной карточкой Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и привлекает в места компактного проживания тувинцев многократно превышающее их собственную численность количество туристов со всех уголков страны и из-за рубежа. В ходе анализа акцент делается на экономическом и социальном положении, а также жизненных стратегиях коренных жителей региона, оказавшихся в самом эпицентре туристического бума, но при этом лишенных возможности стать его полноценными бенефициарами. Подчеркивается, что практика фактического присвоения культурного наследия малочисленных народов, которая получила широкое распространение на Канасе, приводит к межпоколенным конфликтам, коммерциализации и профанации культуры, а также стигматизации и общей маргинализации жителей региона. В конечном итоге, это провоцирует у них кризис идентичности и ведет к оттоку коренных обитателей приграничья из мест их традиционного проживания в другие регионы. Обращается внимание на то, что в результате подобной системной эксплуатации культурного наследия коренных народов приграничья претерпевает существенные изменения национальный состав местного населения, что, в свою очередь, делает его более уязвимым с точки зрения обеспечения обороноспособности страны. Иными словами, комплексное и гармоничное развитие той или иной территории в случае развития массового туризма приносится в жертву, причем делается это во имя достижения экономического и инфраструктурного роста.

На контрасте с ситуацией, сложившейся в китайском Канасе, излагается история созданного коренным алтайцем Д. Мамыевым «народного заповедника» Уч-Энмек в Онгудайском районе Республики Алтай Российской Федерации. Обращается внимание на то, что в том случае, когда инициатива в деле охраны

природы и культурного наследия малочисленных народов переходит к коренным жителям, акцент смещается с извлечения быстрой прибыли на мероприятия и действия, призванные обеспечить долгосрочное сохранение и воспроизводство самого культурного ресурса. При этом особо подчеркивается, что в случае реализации подобного сценария бенефициарами становятся, в том числе, и сами туристы, ибо только в этом случае они могут ознакомиться с аутентичными образцами традиционной народной культуры. Дополнительной гарантией благоприятного развития событий в случае с Уч-Энмеком служит оригинальный взгляд местных алтайцев на масштаб и задачи экологической деятельности и их убежденность в особом предназначении их родной земли и в уникальности их собственной исторической миссии. Как утверждают местные жители, она состоит в том, чтобы сберечь гипотетическое универсальное знание, доступное людям лишь на Алтае, и сделать его доступным для всего человечества. Подобными мотивами руководствовался в своей деятельности, в частности, сам создатель «народного заповедника» Д. Мамыев, что исключало с его стороны как корыстный интерес к извлечению сиюминутной прибыли, так и его полную изоляцию.

Констатируется, что подобный, идеалистический подход, пробуждающий симпатию у многих сторонних наблюдателей, в то же самое время порождает серьезную обеспокоенность у представителей государства, которое, в конечном итоге, предпочитает созданию подобных альтруистических «народных заповедников» китайский вариант ускоренного развития туристической инфраструктуры с последующей монетизацией природного и культурного наследия коренных малочисленных народов. В результате, деятельность Д. Мамыева в России оказывается временно приостановленной, при этом одновременно на Алтае создается первый в стране геопарк, концепция которого копирует китайский опыт формирования туристического кластера на Канасе. Делается вывод, что в том, что касается мобилизации этнокультурного ресурса приграничных районов посредством организации туристической деятельности, государство чаще руководствуется сугубо прагматическими, экономическими интересами, предпочи-

тая не замечать того, что, в конце концов, подобное развитие событий означает его постепенную эрозию и, в конечном итоге, полную или частичную утрату.

Во втором параграфе, озаглавленном **«Социально-политическое изменение народного праздника. Сагаалган у бурят России и Китая»** рассматривается принципиально иная тактика мобилизации этнокультурного ресурса, которая используется, в частности, в Республике Бурятия и в Агинском Бурятском округе Забайкальского края Российской Федерации. Традиция празднования сагаалгана, как называется у бурят Новый год по лунно-солнечному календарю, всегда служила укреплению семейных, родовых и этнических уз, но в последние десятилетия была успешно рекрутирована государством и используется им в целях построения единого общегражданского общества. Обращается внимание на то, что положительный эффект в этом случае достигается благодаря тому, что оказавшееся в кризисе государство добровольно предоставило в распоряжение народной традиции весь имевшийся у него арсенал методов и форм для культурного самовыражения, включив в то же самое время сагаалган в официальный праздничный календарь. В итоге, бурятский Новый год, находящийся до того времени в оппозиции государству, был подключен к процессам строительства единой гражданской нации по мере того, как он становился общим праздником для всех народов, проживающих в регионах, населенных бурятами.

Как полностью противоположная рассматривается в этой связи ситуация, сложившаяся с празднованием сагаалгана бурятами, проживающими в местности Шэнэхэн в автономном районе Внутренняя Монголия в Китае. Здесь, прямое вмешательство государства в порядок празднования традиционного нового года по лунно-солнечному календарю, выразившееся в привязке его даты к китайскому Фестивалю весны, приводит к тому, что в целом неплохо сохранившие свой традиционный культурный комплекс шэнэхэнские буряты постепенно утрачивают традицию встречи сагаалгана. В свою очередь, это означает не только обеднение народной традиции, но и дальнейшую стигматизацию важнейшего элемента традиционной культуры, который, в результате, уходит в скрытую оппозицию и может быть в дальнейшем рекрутирован антигосудар-

ственными силами. Делается вывод, что стратегия вовлечения культурной традиции через предоставление в распоряжение ее носителей организационных форм, имеющихся в арсенале государства, а также ее легитимация через включение в официальный календарь оказывается оптимальной стратегией использования культурного ресурса малочисленного народа. С одной стороны, вовлечение оказывается не таким разрушительным, как присвоение. С другой стороны, в случае грамотного применения, подобный подход укрепляет само государство через вливание свежего содержания в давно налаженные и структурированные формы, которыми оно обладает.

В третьей главе **«Духовный потенциал: игнорирование и инкорпорация»** рассматриваются модели выстраивания отношений государства и жителей приграничных районов России и Китая в духовной сфере. Делается акцент на том, что, в отличие от культурного ресурса приграничья, опасность которого для центральных властей, как правило, преувеличивается, религиозная активность на периферии, которая зачастую становится убежищем для схизматиков и ортодоксов, может действительно представлять для него существенную угрозу. В связи с этим в обращении с духовным ресурсом приграничья предлагается проявлять большую осмотрительность и взвешенность в выборе подходов.

В первом параграфе **«Современный шаманизм у бурят России и Китая. Сравнительное исследование»** анализируется феномен резкого роста популярности традиционных шаманских практик среди бурят, проживающих в приграничных районах России и Китая. Приводятся исторические сведения о распространении и развитии шаманизма в восточном сегменте российско-китайского трансграничья, его многовековой борьбе с буддизмом, а также о наполовину подпольном существовании шаманов при социалистическом строе в СССР и в КНР. Исторический очерк дополняется анализом хода и причин возрождения и трансформации традиционного шаманизма в постсоветской России. Подчеркивается обусловленность данного феномена кратковременным параличом государственных институтов и кризисом официальной идеологии, наблюдавшимся в стране в конце XX века. Объясняется, что в то время как потребности граждан в решении вставших перед ними проблем привели к активации за-

щитных культурных механизмов и возрождении шаманизма, их неготовность воспринимать знание предков в традиционных формах явилось причиной современной мимикрии самого вероучения. Последнее, в результате, переняло у государства и творчески переработало абстрактные идеологемы и конкретные формы самовыражения, отобрав из них лишь самые адекватные современной общественно-политической ситуации в целом и уровню восприятия клиентов в частности. Именно этим объясняется возникновение и широкое распространение в постсоветской Сибири полностью оригинальной, современной городской версии традиционного шаманизма. Его характерной особенностью стало копирование шаманами стиля и стилистики чиновников при одновременном принятии на себя части функций государства, включая формирование национальной идеологии и обеспечение социальной сплоченности общества.

В качестве противоположного примера рассматривается современная религиозная ситуация среди бурят в Китае, где шаманизм до сих пор находится на полуподпольном положении, а сам шаман является маргинальной и избегаемой членами общества одиозной фигурой. При этом существование шаманизма здесь игнорируется и государственными институтами, рассматривающими его лишь в качестве обреченного на исчезновение и к тому же полностью лишенного социальной базы феодального пережитка. Показывается, что, несмотря на подобный предельно низкий статус, шаманизм в КНР также развивается и при этом выполняет важную социальную функцию, удовлетворяя индивидуальные потребности индивидуальных клиентов, которые само общество полагает постыдными. Подчеркивается, что во многом по этой причине местные шаманы не принимают на себя никаких социальных или идеологических обязательств, не вступая с государством ни в кооперацию, ни в противоборство.

Поясняется, что подобное положение вытесненного из общественного сознания и из политического дискурса, но при этом сохранившего свою духовную силу религиозного феномена таит в себе потенциальную опасность для государства, ибо оно становится ресурсом для любых антисистемных сил, как внешних, так и внутренних. Последние, как утверждается, способны рекрутировать его при наличии благоприятных условий. В заключительной части пара-

графа, на основании проведенного сравнения, предлагается разделение шаманизма на анти-структурный и структурный, основным отличием которых видится их отношение к обществу и государству. Подчеркивается, что существование первого обусловлено игнорированием духовной традиции со стороны властей и таит в себе скрытую угрозу для поддержания социальной стабильности. В то же самое время, второй обладает возможностью прийти государству на помощь в том случае, когда оно испытывает те или иные организационные, политические или идеологические трудности.

Во втором параграфе «Политический бурханизм. Исторический опыт и современное положение» поясняется, что не только полуподпольное существование, но и религиозное возрождение способно таить в себе угрозу для общественного порядка в том случае, когда амбиции его лидеров переходят грань необходимого. В этой связи рассматривается ситуация, сложившаяся в России на Алтае на рубеже сначала XIX и XX веков, а затем еще раз на рубеже уже XX и XXI веков. Показывается, как синкретичное вероучение коренных жителей региона бурханизм, возникновение которого относят к началу прошлого столетия, довольно быстро трансформировалось из стихийного милленаристского движения в идеологию национального возрождения коренных алтайцев, рекрутированную в дальнейшем внешними и внутренними политическими силами. Приводятся данные о том, что схожая трансформация произошла с бурханизмом уже в конце прошлого века. Тогда, в ходе поиска национальной идеи для провозгласившей свой суверенитет Республики Алтай он вновь оказался привлекательной спланирующей идеей, а процесс его возрождения был снова политизирован. Показывается, что, обе попытки использовать моральный авторитет народной религии в политических целях оказались губительными как для нее самой, так и для тех лиц, что возглавили процесс возрождения, но оказались при этом неготовыми к искушению властью и позволили втянуть себя в политические интриги.

В конце главы делается вывод о том, что духовный ресурс приграничья представляет собой опасность для государства лишь в том случае, если он им полностью игнорируется и вытесняется на задворки общественной жизни, где

он с неизбежностью маргинализуется. В то же самое время он может достаточно быстро растерять свой моральный авторитет и притягательность после возвращения в легальное поле в том случае, если его лидеры позволяют вовлечь себя в междоусобные политические баталии. В то время как непосредственной опасности для государства подобный исход в себе не таит, он означает, что оно становится не в состоянии использовать духовный ресурс коренных народов приграничья себе во благо. В этом смысле самым оптимальным выглядит ход возрождения шаманизма в постсоветской Бурятии и Забайкальском крае, где потенциал традиционного вероучения поставлен на службу обществу благодаря аккуратной инкорпорации отдельных его элементов в общее социальное и политическое пространство соответствующих регионов.

В четвертой главе «Социально-экономический ресурс: патернализм и поощрение инициативы» анализируются возможные подходы к использованию социально-экономического ресурса, которым также обладают проживающие в приграничных районах страны коренные малочисленные народы. При этом высказывается недоумение по поводу того, что, несмотря на отсутствие прямых угроз для безопасности страны, которую может принести их экономическая активность, уникальные навыки и трансграничные связи приграничных народов, как правило, вызывают такое же отторжение у центральных властей, как и их культурная или духовная непохожесть. Отмечается, что в результате подобного подозрительного отношения со стороны государства значительный социально-экономический ресурс коренных народов российско-китайского трансграничья в большинстве случаев остается невостребованным и в настоящее время даже находится под угрозой исчезновения.

В первом параграфе «“Осевшие вдоль дорог”. Система координат как инструмент ассимиляции» анализируются последствия реализации политики полномасштабной интеграции эвенков и ороحوнов в единое социально-экономическое пространство, соответственно, России и Китая, проводимой в рамках нарратива о необходимости ускоренного развития окраинных народов. Оговаривается, что, несмотря на современную критику действий государства, приводивших к их постепенной ассимиляции, первоначальные результаты при-

общения охотников и оленеводов к достижениям современной медицины, образования и культуры должны считаться безусловным шагом вперед с точки зрения их социального и экономического развития. Вместе с тем обращается внимание на то, что по мере завершения процесса «приручения» и пацификации малочисленных народов государство в обеих странах постепенно снимало свои обязательства по отношению к ним, в то время как сами эвенки и орохоны, уже потерявшие свои уникальные навыки и традиционный хозяйственный комплекс, становились обузой для государства.

История орохоносского поселения оседлых охотников Чаяон в Китае и эвенкийская деревня Могды в России со схожей судьбой приводятся в качестве иллюстрации процесса деградации двух коренных малочисленных народов в ходе перевода их на оседлость. В результате потери экономической самостоятельности и истощения природных ресурсов, вызванного ускоренным освоением их земель пришлым населением, бывшие кочевники теряют свою идентичность и превращаются в иждивенцев, при этом их особый социально-экономический ресурс охотников и следопытов тайги не используется или нивелируется. Показывается, что одной из основных причин подобной негативной тенденции в жизни приграничных народов является постепенное разрушение их изначальной системы координат, формируемой элементами ландшафта и потребностями традиционного хозяйства.

В качестве аргумента против применяемого в дискуссиях на эту тему тезиса о неизбежной деградации традиционной системы социальной организации и оленеводческого комплекса у малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока приводится пример успешного социального и экономического развития и борьбы за свои права эвенков из села Ивановское Селемджинского района Амурской области России. Показывается, что в том случае, когда отдельным общинам малочисленных народов удастся сохранить свою хозяйственную самостоятельность, подкрепить ее эффективной политической самоорганизацией и гарантировать при этом сохранность учреждений национальной культуры, их социально-экономический ресурс может быть использован как на благо их самих, так и на благо общества и государства. При этом утверждается,

что максимальный эффект от сбережения социально-экономического ресурса малочисленных народов достигается в том случае, когда дополнительным ресурсом для них оказывается наличие в непосредственной близости государственной границы, которая помогает им реализовать его в полной мере.

В поддержку данного тезиса **во втором параграфе «Искусство быть неассимилированным. Рецепт процветания в контексте государственной границы»** анализируется экономический успех бурятской общины, проживающей в КНР поблизости от зоны приграничного экономического сотрудничества «Маньчжурия». Отмечается, что по причине хорошей сохранности своего хозяйственного комплекса, крепости родственных и внутриэтнических связей, а также завидной приверженности традиционной системе ценностей им удалось взять под свой частичный контроль мелкую и среднюю трансграничную торговлю в треугольнике Россия-Монголия-Китай. В условиях сохранения жесткой внутрисемейной иерархии и при помощи родного языка, который в условиях трансграничья стал языком международного общения, им удалось наладить основанные на доверии и потому гораздо более эффективные экономические связи с проживающими за рубежами страны родственниками и соплеменниками. В то же самое время разность культурных потенциалов между тремя этнолокальными группами бурят, проживающими в России, Монголии и Китае, гарантировала им стабильный спрос на товары местного производства, тесно связанные с национальной культурой и традиционным образом жизни. В этой связи часто упоминаются пища и одежда бурят, которые оказались хорошо сохраненными и до настоящего времени производятся в Шэнэхэне, являясь для местных жителей источником экспортных поступлений.

Обращается внимание на то, что экономический успех, который стал возможен благодаря этнической консолидации китайских бурят на фоне их непохожести с ханьским населением, был достигнут благодаря близости и открытости государственной границы. С одной стороны, разделенные ею локальные группы бурят оказались в различных социальных и экономических условиях; с другой стороны, они сохранили возможность общения и обмена между собой. При этом отдельно отмечается то, что резистентность бурят по отношению к

любым попыткам интегрировать их в общее социальное пространство страны через приобщение их к так называемым благам цивилизации, в конце концов, сыграла на руку также и самому государству. Последнее было не только избавлено от обязанности обеспечивать всем необходимым лишившегося собственной системы координат малочисленного народа, как это произошло в ситуации с ороचनाми, но и смогло извлечь определенные экономические выгоды из активности шэнэхэнских бурят на международных рынках. Немаловажно и то, что социально-экономический ресурс народов приграничья способствовал продвижению положительного образа китайского государства за рубежом. Делается вывод, что поощрение экономической инициативы и создание условий для ее реализации, подобных тому, что существуют в Шэнэхэне, является предпочтительнее затратной и при этом разрушительной для национальной идентичности практике государственного патернализма, что реализуется в отношении эвенков и орочонов.

В пятой главе «Политический потенциал: изоляция и мобилизация» ситуация, складывающаяся в приграничных районах России и Китая, анализируется с точки зрения использования оборонного и политического ресурса проживающих здесь коренных малочисленных народов. **В первом параграфе «Винтовка и власть. Природоохранная деятельность и депопуляция приграничья»** критическому осмыслению подвергается практика запрета на осуществление традиционной хозяйственной деятельности для охотников-орочонов, проживающих в автономном районе Внутренняя Монголия и в приграничной провинции Хэйлуцзян в КНР, осуществляемая под предлогом заботы государства о сохранении биологического разнообразия региона. Отмечается, что изъятие огнестрельного оружия и ограничение доступа в лесные массивы приводит здесь к резкой смене образа жизни у представителей коренных народов, что с неизбежностью означает вымирание их традиционной культуры и языка, а также утерю ими важных навыков ориентирования и стрельбы и ухудшению общего физического состояния. Показывается, что компенсационные меры правительства, призванные облегчить переход орочонов от охоты к занятиям торговлей и земледелием оказываются в большинстве своем неэффективными, что

признают, в том числе, и представители властей. Обращается внимание на то, что превращение охотников в крестьян или рантье и их отторжение от традиционной среды обитания наносят ущерб, в том числе, и самой природе, и государству. Приводятся данные о том, что представители животного мира тайги в этом случае чаще становятся жертвами браконьеров, а чувствительная буферная зона в приграничном районе, обладающая стратегической важностью, делается безлюдной или заселяется неблагонадежными элементами, прибывающими из центральных провинций. Делается вывод о том, что приграничье, лишённое коренного населения под предлогом осуществления природоохранной деятельности, становится более сложной в управлении территорией и превращается в зону неопределённости для государства.

Данное положение получает развитие **во втором параграфе «Экологические депортации. Принуждение к процветанию»**, где на примере ситуации, сложившейся в Ташкурган-Таджикском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, анализируется дальнейшее развитие практики использования государством природоохранных мероприятий в своих внутривнутриполитических целях. Приводятся данные о том, что в случае с таджиками, населяющими этот стратегически важный приграничный регион, не сработали ни мягкие методы «приручения», включающие в себя развитие этнокультурного туризма и вовлечение представителей малочисленных народов в рыночные отношения, ни жесткие меры, состоящие в усилении полицейского контроля в рамках борьбы с террористической угрозой. В ситуации, когда коренные жители приграничного района успешно сопротивляются присвоению их традиционной культуры, не испытывают зависимости от наличия в их распоряжении так называемых благ цивилизации и при этом не интересуются рыночными отношениями, правительство, желающее обеспечить полную управляемость регионом, оказывается вынужденным прибегнуть к крайним мерам. В случае с таджиками такими мерами оказывается переселение жителей горных кишлаков на равнины и поселение их в закрытых, хорошо охраняемых населенных пунктах со всеми удобствами. Показывается, что, несмотря на существенную себестоимость подобных мероприятий, а также их видимую гладкость в реализации, в конечном

итоге, приграничный район оказывается более уязвимым с точки зрения поддержания обороноспособности страны. В частности, обращается внимание на то, что лояльные государству таджики, до того с удовольствием проходившие службу в рядах вооруженных сил государства и в полиции, оказываются, в результате, лишенными родной земли и по этой причине более не испытывают потребности в ее охране, превращаясь, в итоге, в нелояльных властям иждивенцев.

Подчеркивается, что подобные, излишне жесткие внутривнутриполитические меры вредят и внешнеполитическим интересам Китая, который, в рамках своей новой геополитической инициативы «Пояс и Путь» постоянно декларирует приверженность к формированию на просторах Евразии «пространства общей судьбы» и при этом уделяет особое внимание сотрудничеству с постсоветскими республиками Центральной Азии. В этой ситуации его политика экологических депортаций в отношении таджиков Ташкурган-Таджикского автономного уезда не способствуют формированию климата доверия в отношениях с Таджикистаном, без чего, в свою очередь, становится труднодостижимым и прогресс в реализации инициативы «Пояс и Путь» на этом важном для КНР направлении.

В третьем, заключительном параграфе «Зона покоя Укок. Малочисленные народы на страже геополитической тишины» показывается, что в том случае, когда коренные народы приграничья получают возможность выразить свою точку зрения в вопросах международной политики и безопасности, она оказывается ближе к истинным интересам государством, чем та, которую высказывают представители бизнеса или региональные власти, на деле преследующие лишь свои собственные, узколокальные интересы. В этом контексте приводится история борьбы коренных алтайцев за неприкосновенность заповедного плато Укок на границе России, Китая, Монголии и Казахстана. В то время, как местным управленцам и крупному бизнесу Укок видится в качестве удобного транзитного коридора для строительства газопровода из Западной Сибири в Китай, местные жители обращают внимание и на то, что ускоренное и непродуманное развитие этого чувствительного приграничного региона может представлять серьезную опасность. В их изложении эта опасность проистекает

от рассерженных местных духов, персонифицированных алтайцами в образе Алтайской Принцессы, в то время как истинной подоплекой тревожности коренных жителей региона является возможность организации прямого транспортного сообщения с Китаем и, как следствие этого, изменение здесь демографической ситуации. В условиях Алтая это, в свою очередь, рассматривается как угроза для безопасности государства в целом.

В заключение обращается внимание на то, что, несмотря на то, что строительство газопровода и налаживание транспортного сообщения с Китаем способны благотворно сказаться на экономическом положении коренных жителей региона, их приоритетом все же остается национальная безопасность. Безотносительно того, в какой степени опасения коренных алтайцев соответствуют действительности, ситуация вокруг Укока демонстрирует, что у жителей приграничья имеется и политический ресурс, который может быть рекрутирован государством. Его существование обусловлено тем, что интересы страны для них часто идентичны интересам их малой родины, а потому они могут быть легко мобилизованы для решения общегосударственных задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Границы иногда воспеваются как священные рубежи, иногда стигматизируются, иногда романтизируются. Граница России и Китая в этом смысле не исключение. Ее существенная протяженность, удаленность от политических, экономических и культурных центров двух стран и огромное геополитическое значение давно привлекает к себе историков, политиков, экономистов и журналистов. Несмотря на то, что на всем ее протяжении как на российской, так и на китайской приграничной территории проживают коренные малочисленные народы, до недавнего времени единое трансграничное пространство двух стран практически не привлекало внимание этнологов и антропологов, однако. В результате, оказывался до конца нераскрытым и оставался полностью недооцененным тот значительный этнокультурный, этносоциальный и этнополитический ресурс, которым обладают его коренные жители, волею исторических су-

деб оказавшиеся на далекой периферии двух крупнейших государств Евразии. Данное исследование было призвано восполнить этот пробел, выявив, описав и обозначив ту важную роль, которую играют и могут играть коренные народы российско-китайского трансграничья в контексте взаимоотношений этих двух стран.

Не менее важной задачей при этом представлялось определение того, каким именно образом их пока мало используемый потенциал может в дальнейшем послужить на благо обществу. Не секрет, что общественное мнение как в России, так и в Китае относится к приграничным народам своих стран с подозрением и тревожностью. Фундаментом для этих эмоций выступает непохожесть на жителей центральных районов и та относительная легкость, с которой они могут взаимодействовать с соплеменниками, проживающими по ту сторону государственного рубежа. В этой связи любое упоминание о возможности политического самоуправления, экономической самостоятельности или культурного суверенитета для приграничных народов воспринимается настороженно, а единственно верным подходом считается курс на максимальное ограничение их внешних контактов и постепенную унификацию в единое социальное, культурное и экономическое поле страны. Разнонаправленная динамика внутривнутриполитических процессов недавнего времени, когда власти Китая получили возможность пойти до конца в своем желании гомогенизировать культурное и социальное пространство страны, а внутривнутриполитические и экономические трудности в России вынудили государство гарантировать жителям окраин определенную автономию, предоставили уникальную возможность проверить на практике, насколько оправданным является стремление государства к унификации. Другими словами, оценить, к чему на самом деле приводит его желание полностью нивелировать потенциал непохожести своих приграничных территорий, и понять, не перевешивают ли в этом случае осязаемые и неосязаемые потери тот относительный уровень спокойствия по поводу безопасности границ, которого достигают центральные власти в случае окончательного «умиротворения» окраин.

В результате проведенного сравнительного исследования обнаружилось, что практически всегда, когда государство избирает в отношении собственных

периферийных районов тактику осторожного, но при этом равноправного сотрудничества, это приводит к положительным результатам как для самих коренных народов приграничья, так и для страны в целом. Растет ее общий культурный потенциал, усиливается духовное единство населяющих ее народов, развиваются международные экономические связи, повышается обороноспособность. Оказалось, что государству достаточно бывает предоставить в распоряжение носителей традиционной культуры или духовных лидеров коренных народов приграничья имеющийся в его распоряжении инструментарий, обеспечить благоприятные условия для реализации ими своих задатков и способностей, как их уникальный ресурс начинает работать на благо страны. Традиционная культура, получив доступ к общенациональному культурному пространству, стремится стать его неотъемлемой частью и в ходе реализации этого стремления иногда даже привлекает культурные ресурсы соседей. В то же самое время духовный и моральный ресурс маргинальных религиозных течений способствует достижению в стране общегражданской сплоченности, а экономический потенциал приграничной торговли ведет к росту трансграничного товарооборота. Параллельно с этим, политический и оборонный ресурс жителей приграничья повышают уровень защищенности национальных границ, благотворно сказываясь на обороноспособности страны.

В то же самое время, ситуация, при которой государство продолжает ассимилировать коренные малочисленные народы своего приграничья, лишая их возможности вести традиционный образ жизни, подавляя их духовный ресурс или занимаясь присвоением их культуры, как правило, приводит лишь к негативным и нежелательным последствиям. Параллельно тому, как возрастают затраты государства, вынужденного брать на содержание значительную массу новых иждивенцев, приграничное население маргинализуется и покидает места своего традиционного проживания, в результате чего само приграничье становится уязвимым, а внешнеполитическому имиджу страны наносится значительный ущерб. Истощается культурный потенциал, а духовные течения уходят в подполье и там становятся полностью неподконтрольными властям, а потому в

любой момент времени могут быть рекрутированы антигосударственными силами.

Парадоксально, но в то же самое время в результате исследования обнаружилось, что несмотря на вышеуказанный и при этом очевидный положительный эффект от либерализации политики в отношении коренных народов приграничья, государство все равно стремится взять их под свой контроль, как только это становится возможным. Выявленный парадокс, выражающийся, таким образом, в постоянной борьбе властей страны с ее собственным социально-экономическим развитием, достигаемым через высвобождение потенциала приграничья, был объяснен тем, что, будучи, по своей сути, самым дальним пределом государства, приграничье, как и любой другой предел вообще, является его абсолютной противоположностью. Другими словами, его «своим иным», или, если говорить еще точнее, вытесненной на дальнюю периферию и в дальнейшем трансформировавшейся там сутью самого государства, его своеобразным внутривнутриполитическим двойником. В этом случае, становится понятным, что государство, во многом подсознательно, стремится лишить свое собственное приграничье силы, видя в нем лишь альтернативу самому себе и, стало быть, экзистенциальную угрозу собственному существованию. С другой стороны, объяснимым становится и то, как именно и по какой причине, в случае проявления слабости со стороны центральной власти, приграничье приходит ей на помощь, раскрывая свою истинную природу и замещая и подпитывая государство до того момента, пока ситуация в стране вновь не нормализуется.

На основании этого выдвигается гипотеза о том, что настоящий ресурс любого приграничья заключается в том, что оно, по своей сути, является резервной копией самого государства и потому способно заменить его в случае возникновения тех или иных кризисных явлений. В случае с российско-китайским приграничьем, населенным малочисленными народами, отличными от титульных этносов двух стран по своей культуре, языку, истории и менталитету, этот ресурс принимает форму этнокультурного, этнополитического и этносоциального. В связи с тем, что в подобном понимании этот потенциал действительно может представлять определенную опасность для государства при условии

его стабильного и поступательного развития, но при этом может быть легко мобилизован в его же интересах в период кризиса государственных институтов и идеологии, предлагается избрать в его отношении двойственную тактику.

С одной стороны, следует избегать попыток его окончательного уничтожения, частичной нивелировки или эрозии, что может стать результатом успешной реализации политики унификации и гомогенизации в отношении приграничных народов страны или политики ограничения их внешних контактов. С другой стороны, следует избегать и излишней либеральности или попытки неоправданной конвергенции потенциалов центра и периферии, ибо это, в свою очередь, может негативно сказаться на уровне устойчивости и конкурентоспособности государства. Оптимальной при этом видится такая модель, при которой этнокультурный, этносоциальный и этнополитический ресурс коренных народ приграничья приветствуется, оберегается и сохраняется государством, но при этом рекрутируется им лишь в тех случаях, когда само оно по каким-то причинам находится в кризисе. Анализ конкретных сценариев и выработка механизмов сохранения и мобилизации этого ресурса может стать целью и задачей для дальнейших исследований в этой области.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Михалев М.С. О социальной подоплеке ревитализации шаманизма в современных условиях (на примере бурят Китая) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2016. № 3(25). С. 74–82.
2. Михалев М.С. Природоохранная деятельность и маргинализация малых народов (на примере ороحوнов Китая) // Традиционная культура, 2017. № 3. С. 58–69.
3. Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия лаборатории древних технологий, 2017. Т.13. № 4(25). С. 108–120.
4. Михалев М.С. Празднование сагаалгана у бурят России и Китая: Социально-политическое измерение народного праздника // Традиционная культура, 2018. Т.19.№ 1(69). С. 40–51.
5. Михалев М.С. Особенности мировоззрения современных алтайцев. Опыт анализа автохтонных концепций // Гуманитарные науки в Сибири, 2018. Т.25. № 2. С. 77–81.
6. Михалев М.С. Зона покоя. Антропологический и геополитический аспекты проблемы плато Укок // Центр и периферия, 2018. № 2. С. 101–107.
7. Михалев М.С. Политический бурханизм. Исторический опыт и современное положение // Религиоведение, 2018. № 2. С. 12–20.
8. Михалев М.С. Трансформация картины мира шамана как отражение ценностей современного бурятского общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2018. № 1(35). С. 89–97.
9. Михалев М.С. Малые народы в контексте природоохранной деятельности: защищающие или защищающиеся? // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2018. № 3(45). С. 94–102.
10. Михалев М.С. "Осевшие вдоль дорог". Система координат как инструмент ассимиляции эвенков и ороحوнов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2018. № 4(20). С. 251–260.
11. Михалев М.С. Сопротивление в Ивановском (Амурская область). Некоторые уроки борьбы эвенков за свои права // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2018. Т.24. С. 118–132.
12. Михалев М.С. Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты // Проблемы Дальнего Востока, 2018. № 6. С. 123–134.
13. Михалев М.С. Приграничье – территория скрытых возможностей. К вопросу о корректировке исследовательской парадигмы // Центр и периферия, 2019. № 1. С. 4–10.
14. Михалев М.С. Таджики КНР: Принуждение к процветанию. Уроки опыта насильственного развития приграничных территорий // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук, 2019. № 1. С. 5-10.

15. Михалев М.С. О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура, 2019. № 2. С. 23-35.
16. Михалев М.С. «Пояс и Путь»: перспективы в Центральной Азии // Азия и Африка сегодня, 2019. № 7. С.18-23.

Монография:

17. Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии: в поисках человека. Москва: Наука, 2018. 192 с.

Другие публикации:

18. Михалев М.С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2016. Т.9. № 6. С. 88–102.
19. Михалев М.С. Бремя ответственности, или попытка ресакрализации элит // Фокус, 2017. № 2. С. 62–71.
20. Михалев М.С. Таджики Синьцзяна: мягкие, жесткие и неординарные меры интеграции // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). Москва: ИДВ РАН, 2019. С.79-87.
21. Mikhalev M., Qi Huijun. Лунь дандай элосы булиятэ саманьцзяо дэ тэдянь [Особенности современного бурятского шаманизма в России] // Миньцзуньцзю цзи / Под ред. Лю Минсинь. Пекин: Изд-во университета национальностей, 2011. С. 303–316. (на кит. яз.)
22. Mikhalev M. Элосы дандай булиятэ саманьцзяо [Современный шаманизм у бурят России] // Northeast Asia National Culture Review. Vol.1 / Под ред. Ци Цзиньюй, Сунь Чунжи. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2011. С. 158–168. (на кит. яз.)
23. Mikhalev M., Nguyen Thi Phuong Tram. Аэртай: Оуя далу дэ шицзылукоу [Алтай: перекресток Евразии] // Гунши, 2012. Т.7. С. 56–58. (на кит. яз.)
24. Mikhalev M., Nguyen Thi Phuong Tram. Аэртай шэньтайгуань [Алтайский взгляд на экологию] // Гунши, 2012. Т.8. С. 48–50. (на кит. яз.)
25. Mikhalev M. Сиболия бэньди цзунцзю: байцзю [Исконные религии Сибири: бурханизм] // Northeast Asia National Culture Review. Vol.3 / Под ред. Ци Цзиньюй, Сунь Чунжи. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2014. С. 169–177. (на кит. яз.)
26. Mikhalev M. Памир: цун бэй иван дао бэй чжэндо дэ шицзе уцзи [Памир: борьба и забвение на крыше мира]. Часть 1 // Гунши, 2013. Т.10. С. 60–63. (на кит. яз.)

27. Mikhalev M. Памир: цун бэй иван дао бэй чжэндо дэ шицзе уци [Памир: борьба и забвение на крыше мира]. Часть 2 // Гунши, 2014. Т.11. С. 52–54. (на кит. яз.)
28. Mikhalev M. The Cosmic Ecology: Values and Cares of People from Altai Mountains // Материалы международного симпозиума «Ценностные конфликты и консенсус в культурном разнообразии». 22 декабря 2014 г. г. Шэньян, КНР. (на англ. яз.)
29. Mikhalev M. Чжун э дандай булиятэ саманьцзяо вэньхуа бицзяо яньцзю [Сравнительное исследование по современному шаманизму у бурят России и Китая] // Самань вэньхуа яньцзю [Исследования шаманской культуры] / Под ред. Сюэ Ган. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2016. С. 101–119. (на кит. яз.)
30. Mikhalev M. Лунь бяньцзян яньцзю фаньши дэ чжуаньбянь [О новой парадигме в исследованиях пограничья] // Бяньцзян фачжань Чжунго луньтань вэньцзи. Синь сылу – Синь сылу [Альманах Форума по развитию приграничных территорий Китая. Новое мышление – Новый Шелковый путь] / Под ред. Цин Цзюэ. Пекин: Изд-во университета национальностей, 2016. С. 83–91. (на кит. яз.)
31. Mikhalev M. Сиболия цзинцзи тэцьюй [Сибирь – особая территория тишины] // Northeast Asia National Culture Review. Vol.4 / Под ред. Ци Цзиньюй, Сунь Чуньжи. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2016. С. 171–179. (на кит. яз.)
32. Mikhalev M. On the Research of Southern Siberia // Материалы международной научной конференции «Трансграничные, подвижные и межрегиональные сообщества», 15–16 декабря 2016 г. г. Пекин, КНР. (на англ. и кит. яз.)
33. Mikhalev M. Ignored Borderlands and Displaced Spirituality: Discussion on the Chinese Specifics of Recent ‘Borderland Studies’ // Moving Across Borders in China: Interdisciplinary Approaches to the Study of Cultural Diversity in Marginal Areas / Ed. T. Previato. Rome: Aracne Editrice (Asia Orientale Series), 2016. С. 189–200. (на англ. яз.)
34. Mikhalev M. За «Градския Шаманизъм» и Новото Предназначение на Шаманските Дарове в Потребителското Общество [О новом предназначении шаманских даров в обществе потребления] // Българска Етнология, 2016. V.XLII.N3. Thematic Issue: Дар, Даряване, Дарителство. С. 394–411. (на болг. яз.)
35. Mikhalev M. Peoples of Asia’s inner frontiers and their role in the dialogue of civilizations // Материалы международного симпозиума «Международный конфуцианский форум – Обмены и взаимное обучение между цивилизациями Азии» 9–11 июля 2016 г. г. Пекин, КНР. (на англ. яз.)
36. Mikhalev M. Dreams for the World, ‘Made in China’: ‘One Belt, One Road’ in the Context of the Interaction of Global Civilisations [Электронный ресурс] // Dialogue of Civilizations Research Institute, 2017. 17 июля. URL: <https://doc-research.org/product/dreams-world-made-china-one-belt-one-road-context-interaction-global-civilisations/> (на англ. яз.)

37. Mikhalev M. Socio-political Dimensions of the National Holidays Celebrations in the Borderlands: a Case of Buryat in China and Russia // Материалы международного симпозиума «Форум по развитию приграничных территорий Китая». 13–14 декабря 2018 г. г. Пекин, КНР. (на англ. яз.)